

УДК 009: 82(091)(Гуманитарные науки в целом. История литературы)

ИГРА, МИСТИФИКАЦИЯ, ЛИЦЕДЕЙСТВО В ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.С.СОЛОВЬЕВА

© 2016 Е.С.Шевченко

Шевченко Екатерина Сергеевна, доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью. E-mail: slash90@mail.ru

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П.Королева
(Самарский университет). Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

Творческую систему Владимира Соловьева принято рассматривать как одну из составляющих «пресистем» русского символизма, наряду с тютчевской и фетовской поэтическими школами, неоромантическими, импрессионистическими стилевыми исканиями и целым рядом других тенденций в искусстве последних десятилетий XIX в. Его шуточные поэтические и драматические тексты второй половины 1870–1880-х гг. в этот контекст не вписываются и видимым образом контрастируют с «серьезными», образуя особую сферу его творчества. Не диссонанс, а именно «созвучие» создано из противоположностей – в этом соловьевский парадокс. Искомым, органичным для В.С.Соловьева было ощущение себя в противоположных ипостасях – «мистагога» и «миста», «жреца» и «жертвы», «пророка» и «шута».

Ключевые слова: русский символизм творческой системы В.С.Соловьева; «созвучие» противоположных ипостасей – соловьевский парадокс.

Большинству современников не был ясен смех В.С.Соловьева – его амбивалентная природа пугала или заставляла недоумевать. Это происходило потому, что в орбиту его смеха оказывалось втянутым все, даже собственные «святыни», «поругание» которых окружающим казалось попросту непозволительным. Возможно, подобное отношение к шуточной стороне творчества В.С.Соловьева было задано его собственным отношением к ней как к чему-то незначительному, по сравнению с творчеством «серьезным» (теократическими и мистическими концепциями, с одной стороны, и религиозно-философской лирикой софийного цикла и интимной лирикой, с другой), а также особой формой функционирования шуточных произведений: имея отчетливо выраженный неофициальный характер, в большинстве своем они не были предназначены для печати и функционировали в рамках той сферы, которую Ю.Н.Тынянов много позже обозначил понятием литературного быта.

Шуточные стихи В.С.Соловьева функционировали в альбомной и эпистолярной форме и имели вариативный характер, что зачастую было обусловлено несколькими адресатами, которым предназначались разные варианты одного и того же стихотворения. Его драматургические опыты также возникли в неофициальной «домашней» атмосфере, в узком кругу друзей, в атмосфере тех кружков интеллигентной молодежи, к кото-

рым в юности (во второй половине 1870-х гг.) он был близок: это кружок «шекспиристов», молодых актеров-любителей, выпускников Поливановской гимназии, и кружок поклонников «поэта из Пробирной палатки», продолжателей традиций А.К.Толстого, собиравшихся у вдовы поэта С.А.Толстой в имениях Пустынька и Красный Рог; следует указать и на влияние Ф.Л.Соллогуба – приятеля В.С.Соловьева, поэта прутковской традиции, автора комедии «Соловьев в Фиваиде».

Будучи созданными в неофициальной «кружковой» среде, подобного рода тексты в процессе функционирования приобретали черту, которую З.Г.Минц назвала «фольклоризмом», связав данное явление не столько с ориентацией на фольклор, сколько с условиями бытования самих этих текстов [1, с.454]. В вопросе определения статуса того или иного текста (произведения) «кружковое» искусство типологически сближается с фольклором. Согласно П.Г.Богатыреву и Р.О.Якобсону, в литературе моментом рождения произведения является «закрепление на бумаге», в фольклоре – санкционирование, «принятие коллективом». Именно «цензура коллектива» и определяет статус произведения как фольклорного [2, с.118]. В связи со свойственным «кружковому» искусству специфическим «фольклоризмом» проблема авторства отступает в нем на второй план. Произведения функционируют в «своей» среде без подписи (хотя автор, как пра-

вило, известен); имеют место разнообразные формы коллективного творчества (сотворчество, дописывание или редактирование текста другим автором); порой авторство становится объектом игры (процветают разного рода мистификации, связанные с авторством, для чего привлекаются вымышленные имена-«маски», псевдонимы).

Сказанное об авторстве в неофициальном «домашнем» или «кружковом» искусстве имеет самое непосредственное отношение к «шуточному» наследию В.С.Соловьева, с именем которого связано три пьесы: «Альсим» (1876–1878), «Белая Лилия» (1878–1880 и начало 1890-х) и «Дворянский бунт» (1891). Вопрос об авторстве решен только в отношении «Белой Лилии», самой значительной и совершенной пьесы Соловьева; с достаточной степенью уверенности определен его вклад в создание пьесы «Альсим», чего нельзя сказать о пьесе «Дворянский бунт», которая, однако, в 1922 г., наряду с другими, была опубликована С.М.Соловьевым как написанная В.С.Соловьевым, между тем как возможными его соавторами являются Э.Л.Радлов и С.Н.Трубецкой. Кроме того, следует учитывать склонность В.С.Соловьева к мистификациям, проявившуюся уже в юности, в пору увлечения «домашним», «кружковым» творчеством, и несколько позже.

Обратимся к некоторым известным фактам мистификации. Публикация в 1886 г. в петербургском «Новом времени» девяти «шуточных» стихотворений («Пророк будущего», «Мудрый, осенью...», «Там, под липой, у решетки...», «Видение», «Скептик», «Признание даме», «Таинственный пономарь», «Осенняя прогулка рыцаря Ральфа», «Полигам и пчелы»), написанных в духе «творений» Козьмы Пруткова и английской поэзии нонсенса, была блестяще разыграна В.С.Соловьевым в эпистолярном жанре – в переписке с редактором «Нового времени» В.П.Бурениным, вовлеченным в придуманную историю с приятелем, якобы являющимся автором присланных им в редакцию стихов. Буренин, помимо собственной воли, стал в каком-то смысле «соавтором» Соловьева, так как по его просьбе придумал псевдоним, под которым были напечатаны соловьевские стихи, – Князь Эспер Гелиотропов, с последующей поправкой – Князь Гелиотропов, дабы не вызвать «нежелательных» ассоциаций с откровенно слабым поэтом Эспером Ухтомским. Прямо противоположным образом В.С.Соловьев разыграл свое окружение, какое-то время выдавая ходившую в

списках комическую балладу, предположительно «Пан Зноско», за собственную, а впоследствии выяснилось, что это произведение А.А.Столпынина. И это далеко не все случаи, когда Соловьев выдавал «свое» за «чужое» или «чужое» за «свое». Игра, мистификация, лицедейство, театрализация быта и поведения были непременными атрибутами «кружкового» искусства. Театрализация «кружкового» быта, принятые в нем лицедейство, шутство были благоприятной почвой для создания шуточных пьес. По воспоминаниям С.М.Соловьева, в те годы в «домашних» театрах царил «модный жанр нелепых комедий» [3, с.152]. Так, «Альсим» был создан в духе прутковской традиции и поставлен «шекспиристами» в доме Соловьевых в 1878 г.; «Белую Лилию» он написал, находясь под впечатлением от творчества создателей Козьмы Пруткова и соллогубовской комедии «Соловьев в Фиваиде»; на «Дворянский бунт» также повлияли поэзия нонсенса и народная балаганная комедия.

Во второй половине 1870-х гг. тогда еще молодой философ В.С.Соловьев увлекается мистикой: в 1875–1876 гг. он, по словам С.М.Соловьева, «был охвачен каким-то мистическим вихрем» [3, с.131], который не рассеялся и к 1878 г. – времени знаменитых соловьевских «Чтений о Богочеловечестве». К этому же периоду относятся и первые его опыты «шуточной» поэзии и драмы. Более поздние «нововременские» стихотворения, опубликованные под вымышленным именем князя Гелиотропова, В.С.Соловьев называл «шутковскими» [4, с.40], что не только указывает на их юмористический характер, но и весьма точно определяет роль их создателя («шут», «актер») в блестяще разыгранной им мистификации с авторством. Отмеченные выше черты личности и творческого поведения В.С.Соловьева могут быть мотивированы его представлением о смехе как величине метафизической: он видит в человеке «животное смеющееся», а в смехе – «корень поэзии и метафизики». «Поэзия вовсе не есть воспроизведение действительности, – утверждает В.С.Соловьев, – она есть насмешка над действительностью» [4, с.45]. Как «насмешку над действительностью» он понимает всю поэзию, а не только юмористическую или сатирическую, – творчество вообще. Структура творческой личности В.С.Соловьева обнаруживает балаганное начало – позицию шута, полярную позиции пророка, заключающуюся в осмеянии не только мира («действительности»), но и самого себя, собственных ценностей.

Его биограф В.Л.Величко писал: «...идея арлекинады и всяких вообще превращений преследовала его, как кошмар» [5, с.57].

«Идея арлекинады» реализовалась в шуточных пьесах «Альсим», «Белая Лилия, или Сон в ночь на Покрова» и «Дворянский бунт». В каждой из них затрагиваются разные аспекты комического: от непритязательного юмора в «Альсима» до резкой, злой сатиры в «Дворянском бунте». На их фоне «Белая Лилия» выделяется тем, что является формой генерирования и проверки философских идей В.С.Соловьева. Характерное для пьесы сближение разного рода контрастов и противоположностей (сакрального и профанного, мистического и буффонного) создает впечатление смысловой неопределенности текста или множественности, неразрешимых для читателя и принципиальных для автора. Исследователь И.Б.Роднянская связывает это качество соловьевского текста с «особым родом амбивалентной эстетики, оспаривающей самое себя, но избегающей негативизма» [6, с.102]. Пьеса «Белая Лилия, или Сон в ночь на Покрова», возникшая в особой среде неофициального «кружкового» искусства, во многом его «переросла», сохранив,

однако, присущие ему черты. Обращает на себя внимание ее метатекстуальный характер, поскольку косвенным образом драматический сюжет описывает ту атмосферу и те отношения, которые царили в близкой В.С.Соловьеву среде, а также важнейшие стороны его творчества и его личности. Она является комическим обрамлением «серьезного» и вместе с тем носителем «серьезного», не опровергая и не отвергая его [7].

Подводя итоги, отметим, что атмосфера театральности, лицедейства благоприятствовала самореализации В.С.Соловьева, позволяла проявиться каким-то существенным сторонам его личности и творчества, в иных обстоятельствах скрытым от глаз окружающих. Сам он в «Посвящении к неизданной комедии» (имеется в виду «Белая Лилия») писал: «Из смеха звонкого и из глухих рыданий / Созвучие вселенной создано» [8, с.103]. Не диссонанс, а именно «созвучие» создано из противоположностей – в этом соловьевский парадокс. Искомым, органичным для В.С.Соловьева было ощущение себя в противоположных ипостасях – «мистагога» и «миста», «жреца» и «жертвы», «пророка» и «шута».

1. Минц, З.Г. Блок и русский символизм: избранные труды: в 3 кн. СПб., Искусство, 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. С. 454.
2. Богатырев, П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора. (Малоизвестные и неопубликованные работы) / сост., вступ. статья и комментарии С.П.Сорокиной. М., ИМЛИ РАН, 2006. С. 118.
3. Соловьев, С.М. Владимир Соловьёв. Жизнь и творческая эволюция / послесл. П.П.Гайденко; подгот. текста И.Г.Вишневецкого. М., Республика, 1997. 431 с. С. 152.
4. Соловьев, В.С. Письма / под ред. Э.Л.Радлова: в 2 томах. СПб., Тип. т-ва "Общественная Польза". 1908. 289 с. Т. II. С. 40.
5. Книга о Владимире Соловьеве: сб. М., Советский писатель, 1991. 511 с. С. 57.
6. Роднянская, И.Б. «Белая Лилия» как образец мистерии-буфф: к вопросу о жанре и типе юмора пьесы Владимира Соловьева // Вопросы литературы. 2002. №3 (май-июнь). С. 102.
7. Шевченко, Е.С. Эстетика балагана в русской драматургии 1900-х–1930-х годов. Самара, Изд-во СНЦ РАН, 2010, 484 с.
8. Соловьев, В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., Изд-во «Советский писатель», 1974, 352 с. С. 103.

GAME, MYSTIFICATION, ACTING IN CREATIVE ACTIVITY OF V.S.SOLOVYOV

© 2016 E.S.Shevchenko

Shevchenko E. Sergeyevna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Russian and Foreign Literature and Public Relations. E-mail: slash90@mail.ru

Samara National Research University Named after Academician S.P.Korolyov
(Samara University). Samara, Russia

The creative system of Vladimir Solovyov can be considered as one of components "presystem" of the Russian symbolism, along with Tyutchev and Fet's poetic schools, neo-romantic, impressionist style searches and a number of other tendencies in art of the last decades of the 19th century. Its comic poetic and drama texts of the second half of the 1870 – 1880th do not fit into this context and probably contrast with "serious", forming the special sphere of his creativity. Not a dissonance, namely "accord" it is created from contrasts – in it there is a

Solovyev`s paradox. Organic feeling for V.S.Solovyov of in opposite forms – "mistagoga" and "mist", "priest" and "victim", "prophet" and "clown" was required.

Keywords: Russian symbolism of creative system of V.S.Solovyov; "accord" of opposite forms – a Solovyev`s paradox.

1. Mints, Z.G. Blok i russkii simvolizm: izbrannye trudy: v 3 kn. (Block and Russian symbolism: chosen works: in 3 books). *SPb., Iskusstvo, 2004. Kn. 3: Poetika russkogo simvolizma. S. 454.*
2. Bogatyrev, P.G. Funktsional'no-struktural'noe izuchenie fol'klora. (Maloizvestnye i neopublikovannye raboty) / sost., vstup. stat'ia i kommentarii S.P.Sorokinai (Functional and structural studying of folklore. (Little-known and unpublished works) / drawing up, introductory article and S.P.Sorokina's comments). *M., IMLI RAN, 2006. S. 118.*
3. Solov'ev, S.M. Vladimir Solov'ev. Zhizn' i tvorcheskaia evoliutsiia / poslesl. P.P.Gaidenko; podgot. teksta I.G.Vishnevetskogo (Vladimir Solovyov. Life and creative evolution / afterword of P.P.Gaydenko; preparation of the text of I.G.Vishnevetsky). *M., Respublika, 1997. 431 s. S. 152.*
4. Solov'ev, V.S. Pis'ma / pod red. E.L.Radlova: v 2 tomakh (Letters / under E.L.Radlov's edition: in 2 volumes). *SPb., Tip. t-va "Obshchestvennaia Pol'za". 1908. 289 s. T. II. S. 40.*
5. Kniga o Vladimire Solov'eve: sb. (The book about Vladimir Solovyov: collection). *M., Sovetskii pisatel', 1991. 511 s. S. 57.*
6. Rodnianskaia, I.B. «Belaia Liliia» kak obrazets misterii-buff: k voprosu o zhanre i tipe iumora p'esy Vladimira Solov'eva ("White Lilia" as mystery-buff sample: to a question of a genre and type of humour of the play of Vladimir Solovyov). *Voprosy literatury. 2002. №3 (mai-iiun'). S. 102.*
7. Shevchenko, E.S. Estetika balagana v russkoi dramaturgii 1900-kh–1930-kh godov (Buffoonery esthetics in the Russian dramatic art of 1900-h-1930-h years). *Samara, Izd-vo SNTs RAN, 2010, 484 s.*
8. Solov'ev, V.S. Stikhotvoreniia i shutochnye p'esy (Poems and comic plays). *L., Izd-vo «Sovetskii pisatel'», 1974, 352 s. S. 103.*